

Неприятие любой разделенности присутствует и в анонсической философии бессмыслицы. Бессмыслица позволяет сделать границы несущественными. Ведь только смыслы способны проводить жесткие границы и разводить людей по разные стороны баррикад.

Сходный методологический ход реализован в «русской идее», когда печаль о ближнем и дальнем живет в человеке поверх смысловых различий, поверх отношения свой – чужой и правый – виноватый. Жесткие границы, которыми чреватые смысловые различия, если бы были присущи «русской идее», не позволили бы ей реализоваться.

Подводя итоги, хочу еще раз подчеркнуть, что отличительная черта русской самобытной философии, аккумулированная в концепте «русская идея», выражена в онтологическом послыле, направленном на поиск способов осуществления и сохранения единства, преодоления всяческой разделенности. И этот послыле по-прежнему обладает не только теоретической актуальностью, но и находит новые способы осуществления.

Доклад 31. Смысл русской идеи

Вячеслав Евгеньевич Дмитриев

Кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. Ломоносова. Один из основателей философского кружка «Анонсенс», действующего с 1990 года. Философ-археивангардист».

1

«Русская идея»¹ как-то связана с русскими чувствительностью. И я как русский, опираясь на эту самую связь, кое-что скажу о «русской идее», но скажу, задействовав при этом предельные вопросы о смысле.

В начале своего сообщения я отмечу два предварительных момента относительно дальнейшего понимания «русской идеи», на которые я буду в дальнейшем опираться. Каждый такой момент характеризует «русскую идею» в самом общем виде.

2

Первый характеризующий ее момент – это идиоматичность этой идеи.

Истоки «русской идеи» затерялись в истории. Христианская это идея или даже языческая, нам теперь вряд ли удастся точно узнать. Границы идеи неизвестны.

Имя этой идее дал Ф. М. Достоевский, назвав ее русской. Он же первым придал ей предельную философскую форму. После концептуализации «русской идеи» Достоевским последовали и другие ее концептуализации в русской философии.

«Русская идея» уже получила множество прочтений, которые между собой все более и более расходились. Так, например, ее прочтение

---

¹ Русская идея может пониматься широко и узко. Широко она понимается как идея, которая живет в русском народе с его зарождения и реализуется в его действиях. А узкая идея сформулирована Достоевским во второй половине XIX века, с его формулировкой русская идея обсуждалась и развивалась в русской философии. Чтобы отличить узко понятую русскую идею от широко понятой русской идеи, и используются кавычки.

как идеи самобытной развивалось в одном направлении, а прочтение идеи как вселенской – в другом направлении.

Сегодня уже ясно (и Собор нам это только подтверждает), что «русская идея» стала устойчивым идиомом русской философии. Она бесконечно истолковывается философами, никогда не будучи при этом истолкованной достаточно.

Из сказанного следует, что «русская идея» представляет собой «смысловой взрыв», т. е. ее смысловые линии клубятся вокруг нее, расходясь при этом в разных направлениях.

3

Второй характеризующий ее момент – тягостность этой идеи.

Обычно в русском языке идея понимается как особенная мысль. Ее особенность заключается в том, что она отличается от всех прочих мыслей своей существенностью и важностью. Она представляет собой главную, центральную мысль.

Но русская философия продумывает свои идеи с трудом.

И не потому, что думать ей трудно (хотя это и правда трудно), а потому, что русская философия не мыслит мысль, она думает думу. От этого различия зависит и понимание специфики «русской идеи».

Думать думу – это как раз то, что и составляет задачу Достоевского как философа. Он при помощи своей идеи думает о предельных условиях полной нравственности. Он при этом не мыслит, он думает думу.

Идея в этом случае – это не идея нашего ума, какой-то замысел и решение, т. е. какой-то простой рабочий момент наших мыслительных усилий. Идея в русской философии обладает еще и тяжестью. Она лежит на душе камнем, подчиняет себе нашу жизнь, лишает нас возможности действовать. В этом случае у нас не просто есть идея, а мы одержимы своей идеей. «Русскую идею» народ несет как свое тягло.

Вот эти два момента относительно характеристики «русской идеи» я хочу предварительно отметить.

А теперь я перейду к своему «кое-что» о «русской идее».

4

Я буду говорить о смысле «русской идеи», но буду говорить о нем лишь в каком-то одном и очень узком аспекте. К такому ее узкому рассмотрению меня подталкивают как раз уже отмеченные идиоматичность и тяжесть идеи. Так как нельзя объять необъятное.

Я вообще не буду задаваться тут вопросами о том, имеет ли «русская идея» смысл и каков же смысл у этой идеи.

Я хочу изменить сам характер вопроса о смысле идеи. И если этот мой поворот в вопросе не заменить, то дальше довольно легко промахнуться с темой моего сообщения.

Итак, я хочу спросить, нуждается ли сама «русская идея» в смысле. Такова будет постановка вопроса.

Иными словами, я хочу спросить о смысле самого смысла, который составляет «русскую идею».

Ясно, что ответить на этот вопрос можно двояко. Двояко я и отвечу, полагая, что идея Достоевского содержит в себе две эти возможности сразу.

Я хочу предположить возможность как положительного, так и отрицательного ответа на свой вопрос, но уравнивая при этом значимость этих двух ответов.

Конечно, далее мне придется исходить здесь из какого-то понимания смысла.

И я буду исходить из того, что смысл – это такая устойчивая различённость, которая поддержана нашим усилием по различению одного от другого. Так, например, наличие смысла заключается в эффективном отличии его от бессмыслицы. При этом не важно, какое именно отличие мы производим, важно другое – что мы его все-таки производим.

Пока такого понимания смысла будет достаточно.

5

Я начну с положительного ответа на свой вопрос о смысле смысла «русской идеи».

Если «русская идея» как именно русская идея относится к думе и недоумению Достоевского о предельных условиях полной нравственности, то это означает, что она связана с двумя характерными моментами ее смысла.

Во-первых, она связана с утратой и поиском смысла.

Во-вторых, она требует фактического претерпевания ущерба.

Именно раскрытие этих двух моментов смысла идеи и позволяет мне кое-что сказать о «русской идее».

6

Идея Достоевского заключается в неприятии разделенности, а значит, и в неприятии смысла.

Она заключается не в том, что все разделенности будут преодолены.

А в том, что мы мучимся и страдаем от разделенности, и в этом неприятии любой разделенности как раз и состоит сверхчувствитель-

ность русского народа и полнота христианской нравственности. «Русская идея» развернута в сторону предельной целостности и полноты. А любое разделение нарушает эту целостность и полноту.

Думают, что смыслы объединяют. Будучи проясненными до конца, смыслы лишь расходятся и разделяют. Например, источник разделенности людей – это именно смыслы. Через смыслы никогда не добиться полноты объединения, так как в пределе они разделяются и разделяют.

Расхождение, сколь бы минимальным оно тут ни было, сразу же отменяет целостность и полноту всего. Поэтому и возникает у Достоевского вопрос об одной слезинке ребенка.

И тогда стоит нам отметить, что смысл идеи Достоевского заключается как раз в том, чтобы преодолеть смысл как различённость. Смысл его идеи в том, чтобы «русская идея» не совпадала со смыслом и ее смысл заключается в этом несовпадении. И это, хоть и небольшой, но весьма существенный аспект смысла «русской идеи».

Таков будет положительный ответ на вопрос о смысле смысла его идеи.

7

Теперь я перейду от положительного ответа на вопрос о смысле смысла «русской идеи» к отрицательному ответу.

Обязательно ли смыслу «русской идеи» иметь смысл?

Уже отметили ранее, что «русская идея» обращена к отсутствию разделенности, т. е. направлена в обход смысла. И вполне логично предположить, что эта идея вообще не сильно нуждается в смысле.

«Русская идея» в своей предельности выносит нас на предел смысла. Ее сопровождает утрата смысла.

Но, утратив с идеей смысл, мы не можем сразу так просто его восстановить. Это противоречит самой направленности «русской идеи» в сторону предельной целостности и полноты.

Поэтому и можно в этом пункте отметить, что идея Достоевского не требует смысла с необходимостью, она не нуждается в его возвращении. «Русская идея» вообще не обязана иметь какой-то смысл.

Хотя Достоевский, когда указывает своей идеей на путь спасения и преобразования человечества, т. е. по-прежнему верит в возвращение смысла, верит в то, что смысл имеет какой-то смысл. Достоевский пытается по-христиански быть позитивным в своей идее.

Но для идеи такая позитивность не необходима. Отрицательный ответ относительно смысла «русской идеи» все-таки вполне возможен.

Более того, отрицательный ответ будет даже более последовательным и надежным при достижении целостности и полноты.

Если «русская идея» ориентируется именно на отсутствие разделенности, то любой возврат смысла идеи будет эту идею подрывать. И чтобы «русская идея» не зачеркивала саму себя, ей совершенно не обязательно вообще иметь хоть какой-то смысл.

Так как «русская идея» в своей предельности выносит нас к пределу смысла, туда, где смысл безвозвратно утерян, уже совершенно не важно, какой там смысл у «русской идеи». Лучше даже, если его вообще нет.

8

Две указанные возможности смысла «русской идеи», по сути, равны по своей значимости и равно допустимы.

Чтобы еще более закрепить между ними баланс, в заключение сообщения я снова вернусь к претерпеванию идеи. Я одновременно хочу подкрепить как отрицательное решение о смысле, так и подчеркнуть равенство смысла и бессмыслицы.

Уже ранее упоминалась тяжесть «русской идеи», т. е. предполагаемое этой идеей фактическое претерпевание ущерба ради целостности и полноты.

Но в этом «ради» как раз и содержится подвох, который будет препятствием как для равенства ответов, так и для единства смысла и бессмыслицы.

«Русская идея», которую хранит народ и которая составляет думу Достоевского, завладевает действиями и помыслами, требует реальных мук и страданий. Именно количеством этих мук и страданий измеряется сила «русской идеи».

И нельзя просто сказать, что все эти страдания и муки стоит вынести, например, ради торжества целостности и полноты. Тут и проявляется поспешность.

Если мы припишем этим страданиям и мукам какой-то смысл, то этот смысл будет принижать муки и страдания в их служебности. Возникнет то расхождение, которое «русская идея» стремилась исключить. И тогда мы уже не страданиями и муками спасаемся. Спасительная красота заключается именно в самих муках и страданиях, с ними мы только приходим к целостности и полноте. Любой смысл тут препятствие на пути.

Если страдать и мучиться за все разделенное, то дело тогда уже будет заключаться явно уж не в этом «всем». Премудрость веры будет состоять в самих этих муках и страданиях, причем уже безо всякого смысла. Премудрость такова, что не может не превышать смысл.

Я хочу сказать, что сообщенная русским истина христианской веры в том, что не стоит надеяться на смысл, уповать на него. Вера требует

Вячеслав Евгеньевич Дмитриев

только самой веры, подвига веры, но не смысла веры или веры в смысл. «Русская идея» – это шаг впереди смысла, подвиг и только потом, вторым шагом может появляться смысл. Она вполне может быть концептуализирована, что и было сделано Достоевским. «Русская идея» – это не какая-то особо значимая мысль ума, это идея подвига, т. е. безумия свободы христианской веры.

9

Используя предельный вопрос о смысле самого смысла, я пытался показать, что «русская идея» безмерно глубока в своей направленности и содержит множество интересных ходов для развития философской мысли. Спасибо за внимание!

Доклад 32. Русская идея как пророчество о будущем человечества

Игорь Иванович Евлампиев

Доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии СПбГУ. Участник и член оргкомитета постоянно действующего Соловьевского семинара, член редакционной коллегии журнала «Соловьевские исследования».

В статье осуществляется анализ и систематизация представлений русских философов XIX – начала XX века об историческом предназначении России, т. е. смысла русской идеи в ее наиболее полном философском выражении. Доказывается, что, несмотря на видимое многообразие точек зрения, указанные представления складываются в достаточно ясную и цельную концепцию, в которой можно выделить три главных слагаемых: мысль о неизбежном кризисе и крахе западной либеральной цивилизации, представление об определяющей роли России в развитии грядущей постлиберальной цивилизации и убеждение в необходимости религиозного обновления России и человечества, связанного с заменой ложной церковной версии христианства на истинное (гностическое) христианство, основанное на принципе тождества Бога и человека. Показано, какое конкретное выражение эти идеи имели у самых известных русских мыслителей: П. Я. Чаадаева, В. Ф. Одоевского, А. И. Герцена, А. С. Хомякова, Ф. М. Достоевского, Б. Н. Чичерина, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева и др.¹

Наше время отмечено настойчивыми призывами выработать наконец русскую идею, точно так же как и сеговременно по поводу того, что мы никак не можем этого сделать. Это свидетельствует о том, что мы еще очень плохо знаем нашу национальную философскую традицию. Все самые известные русские мыслители размышляли над вопросом об историческом предназначении России и давали свои ответы на

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-011-44093 «Формирование религиозных традиций русской культуры в конце XVIII – первой половине XIX века (на материале философии и литературы)».